

УДК 82.09
ББК 83.0

«Я ВСЕГДА ВЕРИЛ ФАКТАМ»

Рец. на кн.: Куприяновский, П. В. «Оглядываясь на прошлое...»: журнал «Северный вестник» 1890-х годов и его литературная позиция [Текст] / П. В. Куприяновский. – Воронеж : Изд.-полиграф. фирма «Воронеж», 2009. – 200 с.

Ю.Н. Ковалева

В книгу вошли статьи Павла Вячеславовича Куприяновского (1919–2002) о журнале «Северный вестник», то есть работы, ставшие «отправной точкой» его долгой жизни в литературоведческой науке, а также некоторые архивные и мемуарные материалы, в том числе письма П.В. Куприяновского к Д.Е. Максимову. Статьи, на протяжении многих лет (1958–1981) печатавшиеся в различных научных изданиях, и не публиковавшиеся ранее мемуарные материалы подготовлены к изданию Н.А. Молчановой, написавшей также предисловие к книге. Издание приурочено к 90-летию автора.

К изучению истории журнала «Северный вестник» аспирант ЛГУ Куприяновский обратился в своей кандидатской диссертации по совету академика С.Д. Балухатого, поддержанного и Д.Е. Максимовым, ставшим научным руководителем молодого исследователя. В послевоенном Ленинграде многие позже закрытые архивные фонды оказались временно доступными, это дало Куприяновскому возможность составить объективное мнение об истории журнала «Северный вестник», которая раскрывалась как захватывающая драма борьбы идей в процессе становления нового модернистского искусства в России. Накануне защиты диссертации вышло печально знаменитое постановление «О журналах “Звезда” и “Ленинград”». В библиографическом списке работы П. Куприяновского названия этого документа не оказалось. В ученый со-

вет ЛГУ входили очень серьезные ученые, привыкшие к «зигзагам» в политике властей, – и защита диссертации о «сомнительном» журнале, давшем приют первым писателям-символистам, прошла успешно. Правда, опубликовать наиболее концептуально значимые отрывки из своей кандидатской диссертации П.В. Куприяновский смог только много лет спустя, в 60-е – 70-е годы, уже став известным в стране ученым.

О «Северном вестнике» за прошедшие многие годы были написаны и другие работы: Л.В. Крутиковой в книге «Очерки по истории русской журналистики и критики» (Л., 1965), Е.В. Ивановой в книге «Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX века. 1890–1904» (М., 1982). В XXI веке мы живем в совершенно иной стране с новыми философско-эстетическими и этическими ценностями. Естественно, что некоторые идеологические оценки, содержащиеся в публикуемых сейчас статьях, могут показаться «архаическими». Сам П.В. Куприяновский, стараясь объективно оценить свой вклад в любимую им науку, писал: «Как и на других, время на меня давило, я не избежал ошибок, но я всегда верил фактам, документам, а не подгонял историю под концепцию» (с. 6). «Думается, что “доверие к факту” и шире – “доверие к жизни” (так называется одна из его книг) – это именно то, что просто не может устареть», – справедливо замечает Н. Молчанова (с. 5).

Работа П.В. Куприяновского о «Северном вестнике» – первое фундаментальное исследование о становлении журналистики русского модернизма. В первой из опубликованных в книге статей («История журнала “Северный вестник”») П.В. Куприяновский детально, на основании научного анализа многочисленных архивных материалов, многие из которых были введены в круг научного осмысления и проанализированы впервые именно им, и вместе с тем увлекательно излагает насыщенную драматическими событиями историю этого журнала (1885–1898 годы), раскрывает подвижническую роль в оформлении его «облика» в 1890-е годы молодой издательницы Л.Я. Гуревич и ведущую роль А.Л. Волынского (Флексера), литературного критика и фактического редактора.

В 80-е годы, под редакцией А.М. Евреиновой, «Северный вестник» был органом народников. Усилиями его новых руководителей А.Л. Волынского и Л.Я. Гуревич в 1891–1898 годы журнал преобразуется. Проведенный П.В. Куприяновским подробный анализ художественного отдела «Северного Вестника» за период 1890–1898 годов показывает, что количество произведений с социальной тематикой в журнале постепенно уменьшалось и, наоборот, увеличивалось количество произведений, посвященных чисто нравственным, психологическим и семейным проблемам, а также произведений символистов. Этот процесс сопровождался острой журнальной полемикой и многочисленными трудностями. Наиболее драматично складывается история «Северного Вестника» в «период самоопределения журнала» (1892–1894), который носил переходный характер, и в период 1895–1898 годов, «когда журнал все более и более приобретает определенное лицо» (с. 41). В результате «Северный Вестник» «становится базой идеалистической эстетики и объединяет вокруг себя большинство так называемых “старших символистов” (Д. Мережковский, Н. Минский, З. Гиппиус, Ф. Соллогуб, К. Бальмонт)» (с. 22), во мнении литературной общественности он начинает восприниматься «как первый печатный орган русских символистов» (с. 24), хотя, подчеркивает автор, «Северный Вестник» никогда «не являлся чисто партийным органом это-

го течения, и его художественный отдел имел эклектический характер» (с. 23).

В 1898 году «несмотря на редкое самоотвержение Гуревич... “Северный Вестник” погиб, и неминуемо должен был погибнуть, так и не завоевав популярности и большого круга читателей» (с. 48). Трагическую судьбу журнала Л.Я. Гуревич объясняла в первую очередь цензурными гонениями и финансовыми затруднениями. Однако П.В. Куприяновский убедительно показывает, что одной из немаловажных причин была раздробленность позиции журнала, попытка объединить под общей обложкой трудно соединимые друг с другом явления – «идеалистические проповеди Волынского, символизм в литературе и прогрессивно-демократические тенденции в подходе к общественным вопросам», а также то обстоятельство, что «мистицизм, индивидуализм, символизм, пропагандировавшиеся со страниц “Северного Вестника”, в 90-е годы еще не получили своего достаточного признания. Они были взяты на вооружение несколько позднее – в 1900-е годы» (с. 49). Вместе с тем, «подходя к “Северному Вестнику” с исторической точки зрения», автор работы берет на себя смелость отметить: «...несмотря на ложность многих идей, в нем проводившихся (особенно Волынским), журнал играл немаловажную роль в “переоценке ценностей”, которая протекала в переломные 90-е годы. И в этой его деятельности, в борьбе с рутинной и догматизмом, в поисках нового было и положительное» (там же).

В следующей статье книги («Волынский-критик») раскрывается ведущая роль А.Л. Волынского в журнале «Северный Вестник», смысл его непримиримой «борьбы за идеализм» в критике и искусстве в целом. «Борьба за идеализм» – так называется одна из книг Волынского, вышедшая в свет в 1900 году. Название точно отражает основной пафос всей его жизни и деятельности, которая рассматривается исследователем глубоко и объективно, что было очень непросто не только в 40-е годы, когда П.В. Куприяновский писал свою кандидатскую диссертацию, но и в «оттепельные» 60-е, давшие возможность распечатать основные положения этой диссертации.

Имя А.Л. Волынского издавна принято связывать с ранней модернистской критикой в России. Но степень и характер связей Волынского с модернизмом, его взгляды на литературу и искусство долгое время оставались неизученными. По вполне понятным причинам в первой половине XX века специальных исследовательских трудов о нем не появлялось. В течение долгого времени единственным исключением, как отмечает П.В. Куприяновский, оставалась работа Д.Е. Максимова «“Северный вестник” и символисты», где критику было уделено большое внимание. «Мне хотелось бы лишь в общих чертах наметить основу философско-эстетических и литературно-критических взглядов Волынского, определивших его литературно-эстетическую позицию в 90-е годы и его взаимоотношения с ранним русским символизмом и другими литературными явлениями эпохи», – пишет П.В. Куприяновский (с. 54). Однако в своем исследовании автор статьи делает гораздо больше. Он подробно и вдумчиво анализирует философские и эстетические взгляды Волынского в работах критика о Спинозе, Канте, Вундте, Шопенгауэре, Ницше, Леонардо да Винчи, в его статьях о современниках. Признавая, что «Волынский с невероятным полемическим пылом обрушивался на материалистическую линию русской философской мысли», П.В. Куприяновский, всегда объективный в своих выводах, объясняет читателю, что понимать эту позицию следует «как исторический факт, симптоматичный для эпохи 90-х годов и перекликающийся своим мистицизмом и схематичностью с исканиями первых символистов» (с. 61). В то же время в своей работе исследователь показывает, что идейно-художественные позиции Волынского и поэтов-символистов отнюдь не совпадали: в понятие «символизм» поэты и критик вкладывали различный смысл. Волынского более всего занимала проблема «символизма как религиозного искусства» (с. 65). Однако «эстетической проблеме символизма в узком смысле слова Волынский остался совершенно чужд и низвел символизм до аллегории, до рупора идеалистической философии, метафизики и религии»; это предопределило «его отношение к представителям русского символизма 90-х годов, которых в общем и целом он был склонен считать декадентами» (с. 67).

Анализируя критические работы Волынского, П.В. Куприяновский приходит к выводу и о «некоторой эволюции» во взглядах критика (с. 71), которая заключается в том, что он пытается обновить приемы анализа художественных произведений», проявляет интерес к психологии творчества, требует от художественных произведений психологического содержания, дает свою теорию жанров, в дальнейшем особенно подчеркивает роль иррационального, бессознательного момента в творчестве.

В своей статье П.В. Куприяновский рассматривает оценки, которые давали деятельности Волынского современники. Он отмечает, что Волынский боролся с публицистикой, утилитаризмом и политической тенденциозностью в современной литературе, журналистике и критике. И если представители литературного народничества, против которых было направлено острие выступлений Волынского, относились к ним резко отрицательно и враждебно, то были и оценки другого рода – сочувственные. «И шли они отнюдь не из ретроградного лагеря, – подчеркивает исследователь, – Горький говорил о “мужестве” Волынского идти “против течения”. Л. Толстой писал: “Его критика, где он идет против рутин, хороша”. Примерно в таком же духе высказывался Лесков» (с. 73–74). Более сложной, как выявляет П.В. Куприяновский, была оценка символистов – в ней отражалась противоречивость идейно-эстетической позиции критика, «который в переходный период развития русской литературы... как бы расчищал дорогу идущей во след фаланге символистов», но тем не менее «не может быть причислен к критикам символистского лагеря» (с. 74). П.В. Куприяновский цитирует В. Брюсова, который в 1904 году писал о Волынском: «Его имя должно остаться в истории русской литературы. Он был нужен в свое время», но вместе с тем считал его роль исчерпанной, а его деятельность «более никому не нужной» (там же).

Помимо символистов в журнале активно участвовали Н.С. Лесков (1892–1894) и Л.Н. Толстой (1893–1898). Сотрудничал М. Горький (1897–1898), в разные годы печаталось много других различных по своим направлениям писателей: А. Чехов, М. Мамин-Сибиряк, И. Потапенко, К. Баранцевич, Ф. Не-

федов, А. Эртель, М. Альбов, Вас. Вл. Немирович-Данченко, П. Боборыкин и другие. П.В. Куприяновский изучает взаимоотношения журнала с этими писателями. Тщательно, с привлечением новых документальных источников исследуются мотивы, обусловившие сотрудничество в «Северном вестнике» А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова, М. Горького, причины расхождения редакции с народнической идеологией и критикой (статьи «А.П. Чехов и журнал “Северный вестник” (90-е годы)», «Л.Н. Толстой и Н.С. Лесков в журнале “Северный вестник”», «Журнал “Северный вестник” и литературное народничество»).

Рассматривая переписку и журнальную полемику начала 1890-х годов, когда началось постоянное сотрудничество Н. Лескова и Л. Толстого с «Северным вестником», исследователь выявляет, что народническая критика, занимавшая в 80-е – 90-е годы господствующее положение в прогрессивной журналистике, осталась, в сущности, глуха к тем решительным, переломным изменениям, которые произошли в творчестве Толстого и Лескова. Лесков, в ее представлении, по-прежнему был Стебницким, автором антинигилистических романов, Толстого упрекали в «проповеди общественной анестезии и квиетизма» (с. 96). В ситуации острой борьбы литературных направлений, по мнению ученого, имена Толстого и Лескова использовались «Северным вестником» в качестве противовеса мнениям Михайловского и близких к нему критиков. Однако, как убедительно доказывает П.В. Куприяновский далее, несмотря на «ряд крупнейших разногласий» между журналом и названными писателями, «значение для «Северного вестника» Толстого, так же как и Лескова, выходило за рамки простого тактического союза с ними», поскольку «у обоих писателей руководители журнала находили нечто близкое» (с. 121). В произведениях Лескова Волынского привлекала позиция писателя по отношению к противостоящим «прогрессивному и консервативному лагерям», однако еще более важной для критика была «усмотренная им связь писателя» с религиозными исканиями современного искусства (с. 104). С Толстым Волынского сближала «установка на нравственный, а не социальный прогресс, отрицатель-

ное отношение к позитивизму, морализирование, пассивность, анархическое неприятие существующих форм общественной жизни – государства, полиции, ортодоксального христианства и пр.» (с. 111).

В высшей степени внимательно П.В. Куприяновский рассматривает историю взаимоотношений «Северного вестника» и молодого Горького, который, по мнению исследователя, «считал “Северный вестник” близким себе изданием», «поскольку на страницах журнала был поставлен ряд значительных, интересовавших Горького вопросов» (с. 148).

Особый интерес представляют статьи о взаимоотношениях с журналом ранних поэтов-символистов (статьи «Отдел поэзии в журнале “Северный вестник” в 1892–1894 гг.», «Из истории раннего русского символизма (Символисты и журнал “Северный вестник”»); «Поэты-символисты в журнале “Северный вестник”»). История этих взаимоотношений во всей их сложности и даже парадоксальности детально изучена и убедительно представлена в названных статьях. По мнению их автора, «сближение символистов с журналом становится наиболее тесным и дружественным в 1894–1896 годах» (с. 168). «Толстые» либеральные журналы того времени не печатали произведений символистов, так как категорически не принимали поэтического экспериментаторства и отхода от реалистических традиций. «Единственной отдушиной для новых настроений в литературе в 90-х годах явился журнал “Северный вестник”. <...> Пресса всех направлений и оттенков видит в “Северном вестнике” очаг символизма и подвергает его систематической критике» (с. 161). Парадоксальность ситуации заключалась в том, что А. Волынский, давший «зеленый свет» новому искусству в «Северном вестнике», не разделял главных эстетических установок ранних символистов и подвергал их произведения суровой критике на страницах журнала, который они имели основание считать «своим». Волынский не мог, во-первых, принять стремления символистов «соединить мистицизм, идеализм и религиозность с индивидуализмом Ницше», «нападая на Ницше, он подрывал мировоззренческую основу символиз-

ма» (с. 169); во-вторых, он, как и «толстые» журналы, резко критиковал их поиски новых средств выразительности. «Символизм понимался Волынским как вечное религиозно-идеалистическое искусство, не сходное с теми формами, которое приняло идеалистическое течение в художественной жизни 90-х годов» (с. 176).

Рассматривая взаимоотношения с журналом ранних поэтов-символистов, автор статей, естественно, не мог полностью избежать официальных идеологических оценок русского символизма, однако акцент ставился не на

пресловутом «декадентстве», а на поэтическом новаторстве З. Гиппиус, Ф. Сологуба, К. Бальмонта и других поэтов-символистов, талант и мастерство которых П.В. Куприяновский высоко оценил.

Исследования П.В. Куприяновского и в настоящее время не утратили своего значения. До сих пор не только все историки русской журналистики начала XX века, но и многие историки литературы ссылаются на его статьи о «Северном вестнике», «разбросанные» по различным изданиям. Теперь у них появилась возможность «прочитать» их комплексно.